

ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЪ РУССКАГО ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Московскаго Университета,
А. С. Павлова. ¹⁾)

II. История источниковъ собственно-русскаго церковнаго права.

ПЕРИОДЪ II.

Отъ половины XV в. до эпохи петровскихъ преобразованій.

§ 14. *Государственное законодательство по дѣламъ церкви въ этомъ періодѣ.* Съ половины XV вѣка начинается второй періодъ исторіи особеннаго русскаго церковнаго права. Періодъ этотъ въ нашей исторіи называется *московскимъ*. Въ исторіи церковнаго права онъ характеризуется тѣмъ, что русская церковь, вслѣдствіе завоеванія въ 1453 г. Константинополя турками, освобождается отъ власти константинопольскихъ патріарховъ, дѣлается, выражаясь канонически, *автокефальною*; съ тѣмъ вмѣстѣ она естественно становится въ болѣшую зависимость отъ мѣстной государственной власти. Избраніе митрополитовъ, а потомъ патріарховъ, становится теперь дѣломъ московскихъ государей, собирателей земли русскої. Уже великій князь Василій Васильевичъ Темный писалъ польскому королю, подъ властію котораго находились юго-западные русскія епархіи: „кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ митрополитомъ всея Руси“. Основанія русскаго церковнаго права и теперь оставались тѣ же, что и въ предыдущемъ періодѣ, т. е. греческой номоканонъ, церковные уставы, носящіе на себѣ имена первыхъ двухъ христіанскихъ

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстн., мартъ, стр. 486—520.

князей Руси—Владимира и Ярослава, постановленія мѣстныхъ соборовъ и каноническіе отвѣты и посланія отдѣльныхъ іерарховъ. Мы уже видѣли, что къ концу предыдущаго періода оба упомянутые церковные устава подтверждены были особою договорною грамотою вел. князя Василия Дмитріевича и м-та Кипріяна; но видѣли также, что это подтвержденіе имѣло только, такъ сказать, принципиальное значеніе и относилось преимущественно къ внутреннему церковному праву, какъ это послѣднее опредѣлено было въ церковномъ уставѣ, приписываемомъ св. Владиміру. Что же касается до внѣшнихъ правъ церкви и духовной іерархіи, преимущественно правъ землевладѣльческихъ и судныхъ, то мы уже знаемъ, что вслѣдъ за подтвержденіемъ старыхъ церковныхъ уставовъ, тотъ же вел. князь Василій Дмитріевичъ издалъ новую церковно-уставную грамоту, въ которой упомянутыя внѣшнія права церкви подверглись нѣкоторымъ ограниченіямъ. Позднѣйшіе московскіе государи пошли въ этомъ направленіи еще дальше. Не отмѣняя прямо системы церковнаго права, утверждавшейся на прежнихъ церковныхъ уставахъ и ханскихъ ярлыкахъ, они тѣмъ не менѣе постепенно вводили въ этой области права разныя преобразованія. Эти преобразованія шли отъ частныхъ вопросовъ къ общимъ и такимъ образомъ подготовляли путь къ рѣшительной церковной реформѣ Петра В. Главными пунктами въ системѣ церковнаго права, на которые обращено было особенное вниманіе московскихъ государей XVI и XVII вв., были именно разнообразныя привилегіи, которыми пользовалось высшее духовенство и монастыри въ качествѣ землевладѣльцевъ. Уже Иванъ III и внукъ его Иванъ IV созывали соборы съ цѣлью секуляризаціи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Хотя попытки эти и не увѣнчались успѣхомъ, однако дѣло секуляризаціи совершалось непрерывно во все продолженіе настоящаго періода. Оно шло, такъ сказать, косвенными путями. Сюда относятся: 1) ограниченіе льготъ, предоставленныхъ архіереямъ и монастырямъ, какъ вотчинникамъ. Въ судебникѣ 1550 г. высказана даже мысль объ отобраніи старыхъ тарханскихъ грамотъ, которыхъ всего больше находилось въ рукахъ духовныхъ землевладѣльцевъ, и о прекращеніи выдачи новыхъ. 2) Отнятіе у церкви и монастырей

способовъ увеличенія своихъ наличныхъ вотчинъ. Эта мѣра проведена уже Иваномъ IV на особомъ соборѣ 1580 года. 3) Подчиненіе архіереевъ и монастырей государственному контролю относительно употребленія ими доходовъ съ своихъ поземельныхъ владѣній. Прямымъ историческимъ результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ является въ Уложеніи 1649 года учрежденіе Монастырскаго приказа, въ которомъ сосредоточено было верховное, т. е. государственное управление церковными и монастырскими вотчинами и гдѣ производился судъ по вотчиннымъ и вообще гражданскимъ дѣламъ духовенства. Отсюда оставался уже одинъ шагъ къ церковнымъ преобразованіямъ Петра I и Екатерины II.

Выше мы замѣтили, что московскіе государи XVI и XVII столѣтій оставили неприкосновенными основанія внутренняго церковнаго права, какъ оно опредѣлено было въ уставахъ Владиміра и Ярослава. Первый изъ этихъ уставовъ принять цѣликомъ, какъ дѣйствующій законъ, и въ соборное уложеніе 1551 г. или въ Стоглавъ; если же мы не находимъ въ Стоглавѣ и второго устава, то это очень просто объясняется тѣмъ, что принятая въ Ярославовомъ уставѣ система вирь и продажъ давно уже потеряла свое дѣйствіе въ сферѣ свѣтскаго суда, а потому не могла имѣть практическаго значенія и для суда церковнаго. Но если Московскіе государи прямо не вторгались съ своими законами въ сферу внутренняго права церкви, то они, безспорно, приобрѣли такое вліяніе на ходъ всѣхъ вообще церковныхъ дѣлъ, какого не имѣли ни великіе, ни удѣльные князья предыдущаго періода. Отъ нихъ, какъ выше замѣчено, зависѣло избраніе митрополитовъ (съ Ивана III у насъ принять былъ обрядъ врученія государемъ пастырскаго жезла новопоставленному митрополиту, т. е. нѣчто въ родѣ инвеституры); имъ же принадлежала инициатива учрежденія у насъ патриаршества вмѣсто митрополіи; по ихъ повелѣнію митрополиты и потомъ патриархи созывали епархіальныхъ архіереевъ въ Москву на соборы для рѣшенія важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ; они сами указывали предметы соборныхъ разсужденій, и при томъ такіе, которые относились не только къ сферѣ внѣшняго, но и внутренняго права церкви; они же нерѣдко публиковали соборныя постановленія отъ своего собственнаго лица. Такимъ образомъ, духовные соборы московскаго

періода являются собственно органомъ государственнаго законодательства по дѣламъ церкви. Этому періоду принадлежатъ всѣ важнѣйшіе соборы древней, до—петровской Руси.

§ 15. *Церковные соборы XVI—XVII вв. и ихъ опредѣленія.* Изъ этихъ соборовъ, по своему значенію въ исторіи русскаго церковнаго права, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе:

1) *Московскій соборъ 1503 г.*, созванный великимъ княземъ Иваномъ III для разсужденія: а) объ архіерейскихъ пошлинахъ, взимаемыхъ со ставленниковъ на священно-служительскія мѣста; б) о зазорной жизни вдовыхъ поповъ и діаконовъ; в) о монастыряхъ, въ которыхъ монахи жили вмѣстѣ съ монахинями; г) о монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ и наконецъ д) о мѣрахъ противъ новгородскихъ еретиковъ—жидовствующихъ. Замѣчательно, что постановленія собора по первымъ тремъ предметамъ скрѣплены были велико-княжескою печатію и опубликованы отъ лица самого великаго князя, который лично присутствовалъ на соборѣ. По вопросу о пошлинахъ со ставленниковъ („о поставленіи на мздѣ“) соборъ, по настоянію вел. князя, постановилъ: „отнынѣ и впредь митрополиту и прочимъ архіереямъ ничего не брать со ставленниковъ“: но нельзя не согласиться, что это строго-каноническое постановленіе осталось только на бумагѣ. Затѣмъ, принимая во вниманіе зазорную жизнь вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, особенно молодыхъ, соборъ постановилъ—удалить ихъ отъ служенія при церквахъ приходскихъ, а тѣхъ, которые явно держали наложницъ, лишитъ сана; тѣхъ же, которые жили незазорно, оставить при церквахъ въ числѣ клірошанъ, дозволивъ имъ пользоваться частію церковныхъ доходовъ и причащаться священникамъ—въ епитрахили, діаконамъ въ орафѣ; а если тѣ и другіе пожелаютъ вступить въ монастырь и принять монашество, то имъ дозволялось и священнодѣйствовать въ своемъ санѣ. Далѣе—всѣ сводные монастыри постановлено было раздѣлить и впредь таковыхъ не заводить. По рѣшеніи этихъ трехъ вопросовъ, собору предложено было заняться вопросомъ объ уступкѣ въ казну всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, конечно, за извѣстное вознагражденіе, которое бы доставляло духовнымъ вотчинникамъ достаточныя средства содержанія. Но на этотъ важный вопросъ соборъ,

по настоянію волоколамскаго игумена Іосифа Саніна, чело-
вѣка весьма вліятельнаго не только въ церковной, но и въ
государственной сферѣ, отвѣчалъ отрицательно, и в. князь
долженъ былъ уступить. Послѣдній вопросъ—о мѣрахъ про-
тивъ еретиковъ, на основаніи относящихся сюда греко-рим-
скихъ законовъ, которые до сихъ поръ не имѣли у насъ
полнаго дѣйствія, рѣшенъ были въ томъ смыслѣ, что ере-
тиковъ должно подвергать не только церковнымъ наказа-
ніямъ, но и градскимъ, т. е. уголовнымъ казнямъ, а нерас-
каянныхъ умерщвлять (преимущественно сожженіемъ). Еще
важнѣе—

2) *Соборъ 1551 г.*, созванный царемъ Иваномъ IV и обык-
новенно называемый *Стоглавымъ*, такъ какъ книга дѣяній
этого собора, въ своей окончательной редакціи, раздѣлена
на 100 главъ, по подражанію царскому Судебнику, изданному
въ предыдущемъ году. Соборъ былъ созванъ, какъ сказано
въ самомъ надписаніи его дѣяній, для разсужденія „о
многообразныхъ церковныхъ чинѣхъ“. Онъ открытъ былъ,
подъ предсѣдательствомъ м-та Макарія, въ присутствіи са-
мого царя, который въ своей рѣчи указалъ на необходи-
мость изданія такого же уложенія для церкви, какое уже
было издано для государства. Предметы соборныхъ разсуж-
деній указаны были въ царскихъ вопросахъ, предложенныхъ
въ двухъ серіяхъ, сначала—въ числѣ 37, а потомъ—32-хъ.
Когда соборъ далъ свои отвѣты на тѣ и другіе вопросы,
тогда изъ всѣхъ актовъ соборныхъ составленъ былъ одинъ
сборникъ, который, по соборному приговору и царскому по-
велѣнію, посланъ былъ въ Троицкіи Сергіевъ монастырь къ
жившимъ тамъ на покоѣ прежнему м-ту Іоасафу и другимъ
духовнымъ властямъ, а также и всему монастырскому со-
бору. Это была первая редакція Стоглава, въ которой, вѣ-
роятно, еще не было раздѣленія на главы. Іоасафъ, выслу-
шавъ „царское и святительское уложеніе“, изъявилъ на оное
свое согласіе; но вмѣстѣ нашелъ нужнымъ сдѣлать отъ себя
замѣчанія противъ нѣкоторыхъ соборныхъ постановленій, и
при этомъ не ссылаясь на главы соборной книги (что было
бы удобнѣе, если бы въ ней уже было это дѣленіе), а ука-
зывалъ прямо на самый текстъ соборныхъ постановленій.
Соборъ, по прочтеніи отвѣтовъ бывшаго митрополита, при-
зналъ большую часть его замѣчаній правильными и по нимъ

измѣнить и дополнить свои прежнія постановленія. Въ это-то именно время соборная книга и получила свою окончательную редакцію, съ раздѣленіемъ на 100 главъ.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію самаго содержанія Стоглава. Въ царскихъ вопросахъ собору затронуты были болѣе или менѣе всѣ стороны церковной жизни, которыми она соприкасалась съ жизнью государства и общества. Неудивительно поэтому, если соборное уложеніе 1551 года представляетъ собою опытъ кодификаціи всего дѣйствующаго русскаго церковнаго права. Самое видное мѣсто въ этой книгѣ занимаютъ постановленія: 1) о церковномъ судѣ; 2) объ архіерейскихъ пошлинахъ; 3) объ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ; 4) о церковной и монастырской дисциплинѣ; 5) о народномъ образованіи и 6) о народномъ призрѣніи. Общее направленіе соборныхъ постановленій—въ высшей степени консервативное. При составленіи своихъ отвѣтовъ соборъ руководился наличными источниками церковнаго права, считая ихъ неприкосновенными. Онъ ссылался на Кормчюю книгу вообще, т. е. какъ на каноны соборовъ и св. отцовъ, такъ и на законы византійскихъ императоровъ; съ тѣмъ вмѣстѣ приводилъ иногда цѣликомъ источники русскаго церковнаго права, именно, кромѣ устава св. Владиміра, посланія м-товъ Кипріяна и Фотія и соборное постановленіе 1503 г. (о вдовыхъ полахъ), иногда указывалъ и на обычай или неписанные законы русской церкви. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ соборъ, не давая прямого отвѣта на царскіе вопросы, предлагалъ царю издать свою „грозную царскую заповѣдь“ о томъ, на что указано было въ вопросѣ. Таковы именно соборные отвѣты на царскіе вопросы второй серіи: о волшебныхъ средствахъ, употреблявшихся тяжущимися „на полѣ“, т. е. на судебныхъ поединкахъ (вопр. 17), о екоморошескихъ ватагахъ, бродившихъ по деревнямъ (19), объ игрѣ зернію и пьянствѣ, которымъ въ особенности предавались служилые люди—дѣти боярскіе (20), о лживыхъ пророкахъ и пророчицахъ (21), объ употребленіи разныхъ волшебныхъ и гадательныхъ книгъ (22). И дѣйствительно, въ слѣдующемъ (1552 г.) изданъ былъ царскій указъ, направленный противъ всѣхъ этихъ явленій въ народной жизни и содержащій въ себѣ подтвержденіе и нѣкоторыхъ другихъ соборныхъ постановленій. Указъ этотъ составляетъ одно изъ

старшихъ, именно *второе* дополненіе къ царскому Судебнику.

Говоря о содержаніи Стоглава, нельзя не остановиться на тѣхъ его постановленіяхъ, которыя, благодаря возникшему у насъ во второй половинѣ XVII вѣка расколу старообрядства, получили особенное и весьма прискорбное историческое значеніе. Таковы именно постановленія о крестномъ знаменіи, аллилуйи и бритьи бородъ и усовъ. Соборъ предписываетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ совершать крестное знаменіе не иначе, какъ *двумя* перстами, и всякое другое перстосложеніе для крестнаго знаменія объявляетъ злою ересью (гл. 31), такую же ересь видитъ въ троекратномъ произношеніи аллилуйи, заставляя говорить ее дважды (гл. 42), и рѣшительно возстаетъ противъ бритьи бородъ и усовъ, какъ противъ посягательства на дѣло рукъ Божиихъ (гл. 40). Всѣ эти постановленія собора 1551 г. отмѣнены были Большимъ московскимъ соборомъ 1667 г., который отозвался объ отцахъ Стоглаваго собора, что они написали то „простою своею и невѣжествомъ“. Дѣйствительно, не высока была степень образованія духовныхъ іерарховъ, издавшихъ постановленія, въ которыхъ безразличному религіозному обряду и естественной особенноти мужского лица придано такое догматическое значеніе, какое доселѣ придаетъ имъ нашими раскольниками. Въ виду этихъ постановленій и отзыва объ нихъ позднѣйшаго, болѣе авторитетнаго русскаго собора, на которомъ присутствовали и восточные патріархи, въ нашей исторической литературѣ, въ особенности въ духовной, долгое время держался такой взглядъ, что Стоглавъ не есть подлинная книга собора 1551 года, а только черновыя записки соборныхъ дѣяній, составленныя какимъ-то малограмотнымъ церковнымъ дьякомъ, который внесъ сюда свои личныя мнѣнія, раздѣляемая, можетъ быть, и нѣкоторыми изъ членовъ собора. Въ подтвержденіе такого взгляда на Стоглавъ ссылались, во первыхъ, на то, что до насъ не сохранилось подлинника этой книги, утвержденного подписями членовъ собора; во вторыхъ, что существующіе списки Стоглава разнятся между собою по формѣ и отчасти по самому содержанію; между прочимъ, есть и такіе списки, въ которыхъ предписывается совершать крестное знаменіе не двумя, а тремя перстами, какъ предписано и Большимъ моск. соборомъ 1667 г. Но

противъ перваго довода достаточно замѣтить, что до насъ не сохранился и подлинникъ царскаго Судебника съ подписями царя и бояръ, принимавшихъ участіе въ его составленіи, однакожь никто на этомъ основаніи не отрицаетъ его подлинности. Что же касается до разнообразія списковъ Стоглава, то это явленіе можно наблюдать въ судьбѣ любого древняго юридическаго памятника, употреблявшагося въ частныхъ спискахъ, а не въ печатныхъ изданіяхъ. Каждый или почти каждый переписчикъ первоначальнаго *подлиннаго* текста такихъ памятниковъ могъ быть вмѣстѣ и его редакторомъ, т. е. могъ дѣлать въ этомъ текстѣ разныя перемѣны, дополнять его, сокращать или излагать отдѣльныя мѣста по своему личному разумѣнію. То же, конечно, было и съ соборною книгою 1551 г. Но вопросъ о подлинности Стоглава рѣшается не списками его, а сравнительно недавно открытыми официальными документами, имѣющими непосредственное отношеніе къ нему, именно—такъ называемыми *наказными списками или грамотами по соборному уложенію 1551 года*. Это такіе документы, однообразная форма которыхъ составлена была на самомъ соборѣ 1551 г. и которые назначены были для официальной публикаціи соборныхъ постановленій по епархіямъ, такъ какъ Стоглавъ въ цѣломъ своемъ составѣ былъ неудобенъ для публикаціи и общаго употребленія, ибо въ немъ содержались не одни только постановленія собора, но и всѣ соборные акты, не во всѣхъ своихъ частяхъ имѣющіе юридическое значеніе. До насъ дошли три такихъ наказныхъ списка, изъ коихъ два принадлежатъ самому предѣдателю собора—м-ту Макарію, и одинъ члену собора—Саввѣ, епископу крутицкому. Митрополитчи списки или грамоты по новому соборному уложенію писаны и посланы были во Владиміръ и Каргополь, которые принадлежали тогда къ области митрополита, а грамота Саввы крутицкаго—въ епархіальные города этого епископа Вязьму и Хлѣпень. Всѣ три списка содержатъ въ себѣ одни и тѣ же извлеченія изъ Стоглава, и во всѣхъ находятся вышеозначенныя соборныя постановленія о двуперстномъ крестномъ знаменіи и небритыи бородѣ и усовѣ. Несомнѣнная подлинность перваго постановленія доказывается и тѣмъ, что соборъ 1667 года призналъ его только неразумнымъ, но никакъ не подложнымъ. Что же касается до втораго по-

становленія, то подлинность его прямо подтверждается выше упомянутымъ царскимъ указомъ 1552 года, въ которомъ на основаніи „новаго соборнаго уложенія“ предписано, между прочимъ, „кликать по торгамъ, чтобы православные христіане... бороды не брили и не обсѣкали, и усомъ бы не подстригали...; а учнуть бороды брить и обсѣкать и усы подстригати, и тѣмъ быти отъ царя и великаго князя въ великой опалѣ по градскимъ законамъ, а отъ святителей имъ же быти въ духовномъ запрещеніи, по священнымъ правиламъ“. Вообще нужно замѣтить, что до собора 1667 года Стоглавъ признавался у насъ каноническою книгою. Нѣкоторыя изъ его постановленій неоднократно были подтверждаемы свѣтскою и духовною властію въ теченіи XVI и XVII столѣтій. Такъ, напр., соборный приговоръ о поповскихъ старостахъ подтвержденъ былъ въ царствованіе Федора Ивановича и Бориса Годунова. Патріархи: Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ руководились Стоглавомъ, какъ дѣйствующимъ соборнымъ уложеніемъ, помѣщали обширныя извлеченія изъ него въ своихъ грамотахъ и даже въ печатныхъ церковныхъ книгахъ, именно—въ Служебникахъ и Треникахъ. Такія же извлеченія изъ Стоглава находимъ и во многихъ царскихъ указахъ XVII вѣка. Да и Большой московскій соборъ 1667 года отмѣнилъ не все постановленія Стоглава, а только тѣ, которыя благопріятствовали расколу старообрядства. Поэтому и послѣ названнаго собора Стоглавъ употреблялся у насъ, какъ книга законная, какъ источникъ дѣйствующаго церковнаго права. Такъ въ 1700 г. патріархъ Адріанъ, на вопросъ бояръ, занимавшихся составленіемъ новаго уложенія, о томъ, чѣмъ руководятся духовныя власти въ рѣшеніи подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, отвѣчалъ, что онъ руководится въ церковномъ судѣ и управленіи, послѣ Кормчей книги, Стоглавомъ, и привелъ изъ него нѣсколько постановленій, относящихся къ церковному суду. Такимъ образомъ, цѣлыя полтора столѣтія Стоглавъ признавался у насъ источникомъ дѣйствующаго церковнаго права.

Послѣ соборнаго уложенія 1551 г. въ исторіи русскаго каноническаго права имѣютъ важность:

1) *Соборная грамота 1572 года* о четвертомъ бракѣ царя Ивана IV. Бракъ этотъ оставленъ соборомъ безъ расторжен-

нія, но на царя четвероженца наложена епитимія (не особенно строгая). Затѣмъ, на основаніи уже извѣстнаго намъ синодальнаго постановленія патріарха Николая Мистика (*τὸμος ἐγώβρωτος*), подтверждено, что четвертый бракъ есть ничтожный и недѣйствительный и, какъ такой, подлежитъ расторженію.

2) *Соборный приговоръ 1580 г.*, запрещающій архіереямъ и монастырямъ вновь пріобрѣтать населенныя земли.

3) *Соборное дѣяніе 1590 года* съ грамотою константинопольскаго патріарха Іереміи II объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, вмѣсто митрополіи. Оно, какъ мы видѣли, помѣщено въ началѣ печатной Кормчей.

4) *Опредѣленіе московскаго собора 1621 г.*, при патріархѣ Филаретѣ, о перекрещиваніи католиковъ, лютеранъ и реформатовъ, обращающихся въ православіе. Оно напечатано было при Требникѣ, изданномъ, по благословенію того же патріарха, въ 1627 г., но отмѣнено Большимъ московскимъ соборомъ 1667 г.

5) Определенія сейчасъ названнаго собора. Соборъ этотъ созданъ былъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по поводу безпорядковъ, произведенныхъ въ русской церкви расколомъ старообрядства, и для суда надъ патріархомъ Никономъ въ его распрѣ съ государемъ. На соборъ приглашены были и всѣ восточные патріархи, но пріѣхали въ Москву только двое—александрійскій Паисій и антиохійскій Макарій. Присутствіе патріарховъ признано было необходимымъ потому, что Никонъ не соглашался отдаться на судъ подчиненныхъ ему русскихъ іерарховъ, считая ихъ некомпетентными судьями своего главы. Такимъ образомъ, акты собора 1667 г. состоятъ изъ судебныхъ протоколовъ по дѣлу патріарха Никона и изъ постановленій по дѣламъ русской церкви вообще. Для насъ имѣютъ важность только послѣднія. Дисциплинарныя опредѣленія Большого московскаго собора въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ довольно строгую ревизію русскаго каноническаго права въ тѣхъ пунктахъ, которыми оно отличалось отъ греческаго. Такъ, соборъ отмѣняетъ всѣ постановленія Стоглава, благопріятствующія расколу, отозвавшись объ авторахъ соборнаго уложенія 1551 г., что они многое написали „неразсудно, простотою своею и невѣжествомъ, не согласаяся (не справившись) съ греческими

и древними харатейными словенскими книгами“ и не посоветовавшись съ восточными патриархами. Далѣе соборъ осудилъ, какъ неканоническое, соборное опредѣленіе 1621 г., при патриархѣ Филаретѣ, о перекрещиваніи западныхъ христіанъ, обращающихся въ православную церковь. Наконецъ, особымъ приговоромъ соборъ отмѣнилъ древнее русское правило, подтвержденное и въ Стоглавѣ, устранявшее вдовыхъ священниковъ и діаконовъ отъ священнослуженія въ приходскихъ церквахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Большой московскій соборъ издалъ съ своей стороны нѣсколько новыхъ и чрезвычайно важныхъ опредѣленій, напримѣръ—о заведеніи при церквахъ метрическихъ книгъ для записи случаевъ крещенія, браковъ и смерти. Постановленія Большого московскаго собора признаны за источникъ дѣйствующаго каноническаго права русской церкви въ Духовномъ Регламентѣ (въ правилахъ причта церков. § 62) и приняты въ „Полное собр. зак. росс. имперіи“.

6) *Постановленія московскаго собора, созваннаго въ 1682 году царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ.* Предметы занятій этого собора указаны были въ 16-ти царскихъ предложеніяхъ, весьма важныхъ по своему содержанію, именно: о мѣрахъ противъ раскольниковъ, объ увеличеніи числа епископскихъ кафедръ въ Россіи, о поставленіи священниковъ въ зарубѣжныхъ городахъ, отошедшихъ по Столбовскому миру къ Швеціи, о монастырскомъ и церковномъ благочиніи, о нищенствѣ и пр.

§ 16. *Другіе источники русскаго каноническаго права въ разсматриваемомъ періодѣ.* Кромѣ разсмотрѣнныхъ постановленій соборовъ русской церкви XVI и XVII в., мы имѣемъ отъ настоящаго періода громадную массу источниковъ русскаго каноническаго права въ видѣ *грамотъ, пастырскихъ посланій и поученій отдельныхъ церковно-іерархическихъ лицъ*—митрополитовъ, патриарховъ и епархіальныхъ архіереевъ. Указывать хотя бы только важнѣйшіе изъ этихъ источниковъ нѣтъ особенной надобности. Сдѣлаемъ объ нихъ только одно общее замѣчаніе: тѣ изъ этихъ источниковъ, которые приняты въ „Полное собраніе законовъ росс. имперіи“, до сихъ поръ могутъ считаться источниками дѣйствующаго права, если только они прямо не замѣнены или не отмѣнены позднѣйшими узаконеніями: но большая часть источниковъ этой

категоріи не вошла въ составъ названнаго „Собранія“, — значить, имѣть теперь только историческое значеніе.

Наконецъ, русская церковь и въ настоящій періодъ продолжала получать источники своего права отъ церкви греческой. Это въ особенности нужно сказать о юго-западной русской церкви, которая съ конца XV в. входила въ составъ польскаго королевства и вмѣстѣ съ своими митрополитами (кіевскими) оставалась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, пока въ 1687 г. самъ онъ формально не отказался отъ власти надъ этою частію русской церкви въ пользу патріарха московскаго. Само собою понятно, что патріархи, власть которыхъ надъ кіевскою митрополіей признавалась и польскимъ правительствомъ, должны были принимать дѣйствительное участіе въ дѣлахъ этой митрополіи, особенно съ конца XVI вѣка, когда большинство западно-русскихъ епархій приняло унію, т. е. признало надъ собою власть римскаго папы. Но и сѣверо-восточная русская митрополія, хотя въ самомъ началѣ настоящаго періода и освободившаяся отъ власти константинопольскаго патріарха и потомъ, въ концѣ XVI в., возведенная на степень патріаршества, продолжала оставаться въ тѣсномъ союзѣ съ восточными патріархами въ дѣлахъ обще-церковныхъ. Такъ, съ согласія восточныхъ патріарховъ у насъ учреждено было патріаршество; тѣхъ же патріарховъ мы видимъ на Большомъ московскомъ соборѣ 1667 года въ качествѣ не только судей надъ патріархомъ Никономъ, но и законодателей по дѣламъ всей русской церкви: къ нимъ, наконецъ, не рѣдко обращались наши патріархи и цари съ разными вопросами по дѣламъ церкви, а отвѣтныя патріаршія грамоты попрежнему принимались у насъ полнымъ уваженіемъ и такимъ образомъ дѣлались источниками русскаго каноническаго права.

ПЕРІОДЪ III.

Отъ церковныхъ преобразованій Петра Великаго до настоящаго времени.

§ 17. *Общій характеръ этого періода.* Съ Петра Великаго начинается новый періодъ въ исторіи Россіи вообще и въ исторіи русскаго права въ особенности. Въ этотъ періодъ, въ отличіе отъ двухъ предыдущихъ, государственная власть

является уже главнымъ органомъ и факторомъ церковнаго правообразованія. Самое управленіе церковное принимаетъ теперь формы государственнаго управленія и во многихъ отношеніяхъ дѣлается частію этого послѣдняго. Въмѣсто единоличнаго патріарха, главы русской церкви, въ 1721 году учреждается, по образцу государственныхъ коллегій, *коллегія духовная*, вскорѣ переименованная въ *Св. Синодъ*, составляющій органъ высшаго центральнаго управленія русскою церковію. Отношеніе Синода къ верховной власти въ государствѣ—то же, что и отношеніе другихъ коллегій. Онъ получаетъ къ исполненію Высочайшіе указы и повелѣнія по всѣмъ дѣламъ русской православной церкви. Посредствующимъ органомъ между Синодомъ и Государемъ Императоромъ является оберъ-прокуроръ Св. Синода, блюститель государственныхъ законовъ и интересовъ въ сферѣ церковной жизни. Собственныя постановленія Синода получаютъ силу законовъ только по утвержденіи ихъ Высочайшею Властію. Вообще всѣ дѣла, предоставленныя вѣдѣнію Св. Синода Духовнымъ Регламентомъ Петра Великаго, вершатся не иначе какъ „по указу Его Императорскаго Величества“: такова обычная форма всѣхъ синодскихъ постановленій и указовъ. Настоящему періоду принадлежатъ всѣ источники дѣйствующаго *особеннаго* права русской церкви. Такъ какъ эти источники весьма многочисленны и разнообразны, то мы не будемъ обозрѣвать ихъ исторически, а рассмотримъ ихъ совместно со всѣми вообще источниками дѣйствующаго русскаго церковнаго права.

§ 18. Обзоръ источниковъ дѣйствующаго права русской церкви.

По пространству своего дѣйствія эти источники раздѣляются: 1) на *обще-церковные*, т. е. такіе, которые составляютъ необходимое основаніе положительнаго церковнаго права всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій; 2) на источники, *общіе русской церкви съ другими православными церквами*—греческими, славянскими и румынскою и 3) на *особенные* источники права русской церкви.

1. Источникъ *обще-церковнаго* права составляютъ только книги св. писанія. Въ нихъ содержатся первооснованія положительнаго церковнаго права,—раскрываются понятія о существѣ и назначеніи церкви. Въ нашей церковной практикѣ книги эти употребляются въ славянскомъ переводѣ, право

паданія и исправленія котораго принадлежить Св. Синоду. Другія православныя церкви, греческія и славянскія, употребляютъ священное писаніе на языкѣ своихъ народовъ. Только церковь католическая не допускаетъ *публичнаго* (т. е. при общественномъ богослуженіи и въ официальныхъ церковныхъ актахъ) употребленія св: писанія ни на какомъ иномъ языкѣ, кромѣ латинскаго, въ переводѣ, который принято называть Вульгатою (*translatio vulgata*). Въ нѣмецкихъ протестантскихъ церквахъ официально употребляется переводъ Лютера, а въ прочихъ (англиканской, датской и шведской)—старинные переводы на народныя языки. Значеніе книгъ св. писанія, какъ источника положительнаго церковнаго права, говоря вообще, всеми христіанскими церквами признается одинаково. Заключая въ себѣ лишь весьма немногія предписанія, имѣющія характеръ юридическихъ нормъ, св. писаніе только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ служить *прямымъ* и непосредственнымъ основаніемъ для рѣшенія церковно-юридическихъ вопросовъ. Всего чаще въ опредѣленіяхъ и указахъ Св. Синода встрѣчаются ссылки на мѣста изъ Новаго Завѣта, гдѣ говорится о расторженіи брака по прелюбодѣянію жены (Мѣ. 19, 9; 5, 32), о дозволеніи второго брака вдовцамъ (1 Кор. 7, 39), о продолженіи или прекращеніи брака, когда одинъ изъ супруговъ обращается въ христіанство, а другой остается въ невѣрїи (тамъ же, ст. 12—16). Встрѣчаются примѣры обоснованія законодательныхъ актовъ и судебныхъ рѣшеній Св. Синода и на Моисеевомъ законодательствѣ. Такъ, знаменитый указъ Св. Синода 19 Января 1810 г. о бракахъ, запрещенныхъ по родству и свойству, утверждается главнымъ образомъ на запрещеніяхъ, изложенныхъ въ 18 главѣ Моисеевой книги „Левитъ“. Но вообще Библія не есть законодательный кодексъ, обоснованіе на ней судебныхъ и законодательныхъ постановленій довольно затруднительно, и примѣровъ такого обоснованія мы встрѣчаемъ не много.

2. Источники церковнаго права, *общіе русской церкви съ другими православными церквами*, содержатся главнымъ образомъ въ извѣстномъ уже намъ каноническомъ кодексѣ, унаследованномъ этими церквами отъ древней Вселенской церкви въ эпоху раздѣленія ея на восточную и западную. Въ русской церкви этотъ кодексъ, историческое образованіе кото-

раго намъ уже извѣстно, существуетъ въ двухъ редакціяхъ: въ видѣ впервые напечатанной еще въ патриаршіи періодѣ, а потомъ неоднократно переизданный отъ имени Св. Синода Кормчей книги и въ видѣ имъ же съ 1839 г. издаваемой „Книги Правилъ“. Последняя была только новымъ русскимъ изданіемъ каноническаго кодекса православной церкви, но никакъ не *формальною отмѣною* прежней Кормчей. Само собою понятно, что съ изданіемъ Книги Правилъ замѣненная ею, въ строгомъ смыслѣ каноническая часть Кормчей уже не можетъ имѣть практическаго употребленія. Мы знаемъ, что въ старой Кормчей содержится древне-славянскій, не всегда правильный переводъ не полного текста общепризнанныхъ канонѡвъ, а такъ называемаго *синопсиса*, т. е. сокращеннаго изложенія ихъ смысла. Между тѣмъ въ новой Книгѣ Правилъ тѣ же самые каноны издаются въ полномъ и несравненно лучшемъ переводѣ. Такимъ образомъ, церковной практикѣ нѣтъ нужды употреблять теперь первую или каноническую часть старой Кормчей. Но это не значитъ, что и всѣ другіе источники, содержащіеся въ Кормчей, именно— во второй ея части, потеряли теперь всякое практическое значеніе. Нужно, впрочемъ, сказать, что значеніе это они сохраняютъ за собою далеко не въ одинаковой мѣрѣ. Здѣсь нужно различать, прежде всего, источники или статьи *чисто-церковнаго содержанія, касающіяся внутреннихъ дѣлъ* и отношеній церкви, хотя и не имѣющія, по своему происхожденію, такой важности, какъ источники, содержащіеся въ Книгѣ Правилъ. Оставаясь и послѣ изданія этой последней единственнымъ основаніемъ для рѣшенія многихъ церковно-юридическихъ вопросовъ, такіа статьи служатъ для практики необходимымъ дополненіемъ къ основнымъ нормамъ церковной жизни, содержащимся въ названномъ новомъ официальном изданіи каноническаго кодекса православныхъ церквей. Сюда относятся, напр., правила Василия В. о монахахъ, до сихъ поръ составляющія общее основаніе монашеской жизни на всемъ православномъ востокѣ (Кормч. гл. 61 и 62), правила патриарха Никифора Исповѣдника о разныхъ предметахъ церковной дисциплины (гл. 57), синодальный актъ патриарха Николая Мистика (*τόμος ἐπίσεως*) о недѣлительности 4-го брака (гл. 52) и др. Гораздо сложнее вопросъ о практическомъ значеніи греко-римскихъ законовъ.

находящихся во второй части печатной Кормчей. Одни изъ нихъ, по своему содержанію, вовсе не касаются церкви, а относятся исключительно къ сферамъ мірскаго, свѣтскаго права (государственнаго, гражданскаго и уголовнаго). Таковъ, на-примѣръ, законъ о раздѣлѣ военной добычи (Градск. зак. грань 40), который никогда не дѣйствовалъ на Руси, а только по традиціи переписывался въ общемъ составѣ Кормчей и по той же традиціи перенесенъ и въ печатную Кормчую. Другіе греко-римскіе законы Кормчей суть смѣшаннаго содержанія (такъ сказать, церковно-гражданскіе). Сюда относятся всѣ законы, касающіеся браковъ: условій брака, формы его совершенія, основаній его прекращенія и т. д. Многіе изъ нихъ перешли потомъ въ дѣйствующій Сводъ нашихъ гражданскихъ законовъ. Таковы опредѣленія Свода о пятнадцатилѣтнемъ безвѣстномъ отсутствіи одного изъ супруговъ, какъ основаніи или поводѣ искать развода для другого, о разводѣ по причинѣ физической неспособности къ браку, о брачномъ совершеннолѣтіи. Всѣ эти дѣла теперь обыкновенно и рѣшаются на основаніи Свода Законовъ, а не Кормчей книги. Но отсюда было бы поспѣшно заключить, что и всѣ другіе законы такого же, т. е. смѣшаннаго содержанія, но не принятые въ Сводъ, eo ipso потеряли практическую силу. Нашъ законодатель, при изданіи Свода, не задавался мыслию исчерпать всѣ законы, содержащіеся въ Кормчей, которые до того времени были нормами *дѣйствующаго* права, предоставляя оцѣнку и приложеніе этихъ нормъ къ жизни духовному правительству. Даже такіе статьи Свода, въ которыхъ измѣнено содержаніе греко-римскихъ законовъ, не всегда означаютъ полную отмѣну этихъ послѣднихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ. Напримѣръ, по ст. 3 первой части X тома запрещается вступать въ бракъ лицамъ мужскаго пола ранѣе 18-ти, а женскаго—ранѣе 16 лѣтъ отъ рожденія. Но что этотъ законъ не есть полная отмѣна византійскаго закона, содержащагося въ 48 главѣ Кормчей (въ Эклогѣ), которымъ дозволяется вступать въ бракъ: мужчинамъ 15, а женщинамъ 13 лѣтъ, видно изъ статей 37 и 39 того-же Свода гражданскихъ законовъ, гдѣ устанавливается различіе церковнаго и гражданскаго брачнаго совершеннолѣтія, то есть того, которое опредѣлено въ Кормчей, и того, которое указано въ 3 статьѣ

Свода гражд. законовъ. И это различіе имѣеть весьма важное юридическое значеніе. Если бракъ заключенъ по достиженіи брачующимися церковнаго совершеннолѣтія (15 и 13 лѣтъ), но до совершеннолѣтія гражданскаго (18 и 16), то онъ остается въ силѣ; напротивъ, бракъ, заключенный до исполненія жениху или невѣстѣ церковнаго совершеннолѣтія, подлежитъ отмѣнѣ, если только онъ не имѣлъ послѣдствіемъ беременности жены (Уставъ Духов. Кон. ст. 209; т. X ч. 2 ст. 623). Наконецъ, во второй части Кормчей содержатся такія правовыя нормы, которыя хотя по своему происхожденію суть греко-римскіе законы, но по своему содержанію имѣють чисто-каноническій характеръ, и представляютъ какъ бы „канонизованные законы“ (*leges canonisatae*). Понятно, что такіе законы не могутъ считаться отмѣненными вслѣдствіе того, что мы ихъ не находимъ ни въ нашемъ Сводѣ Законовъ, ни въ новой Книгѣ Правиль. Гражданскому законодателю не было до подобныхъ нормъ, какъ чисто церковныхъ, никакого дѣла; церковная же власть тѣмъ менѣе можетъ смотрѣть на эти законы, какъ на потерявшіе силу, что они во многихъ случаяхъ являются дополненіемъ и разъясненіемъ каноническихъ источниковъ. Въ доказательство того, что дѣйствительно подобныя нормы, не принятыя ни въ Сводѣ Законовъ, ни въ другіе русскіе церковныя уставы, не потеряли своей силы, представимъ слѣдующій примѣръ. Одна консисторія по дѣлу о причетникѣ, вступившемъ во второй бракъ, постановила лишить его стихаря и права входить въ алтарь, но Св. Синодъ отмѣнилъ это постановленіе, утверждаясь на одной статьѣ извѣстнаго намъ, усвояемаго Іоанну Схоластику, извлеченія изъ новеллъ Юстиніана, по которой причетникъ, вступившій во второй бракъ, лишается права промоціи на высшія церковно-іерархическія степени, но не несетъ никакого правоумаленія въ своемъ прежнемъ званіи (Корм. гл. 42, статья 48).—На основаніи всего сказаннаго мы вправѣ сдѣлать слѣдующій общій выводъ по занимающему насъ вопросу о практическомъ значеніи старой Кормчей наряду съ новою Книгою Правиль: первая часть Кормчей, содержащая въ себѣ каноническіе источники (переводъ синодуса съ толкованіями Арпстина), послѣ изданія Книги Правиль уже не можетъ имѣть значенія въ практикѣ: 2) всѣ остальные законы и

правила, содержащіяся во второй части Кормчей книги и прямо не отмѣненные позднѣйшими русскими законами, не теряютъ своей практической важности вслѣдствіе того, что они не приняты ни въ Книгу Правиль, ни въ Сводъ Законовъ, ни въ другія спеціально-церковныя узаконенія. Вопросъ о томъ, остаются ли такіе законы Кормчей дѣйствительно въ силѣ, рѣшается *самымъ ихъ характеромъ*: если они прямо относятся къ существу какого-либо церковнаго института и являются поэтому необходимыми дополненіями къ Книгѣ Правиль, Своду Законовъ или прочимъ уставамъ церковнымъ, то они должны быть признаваемы дѣйствующими. Такъ относятся къ нимъ и современная церковная практика.

Кромѣ указанныхъ источникомъ церковнаго права, общимъ русской церкви съ другими православными церквами, служатъ нѣкоторыя богослужебныя (ритуальныя) книги, преимущественно Уставъ (иначе Типикъ), Служебникъ и Требникъ. Въ частности, въ концѣ такъ называемаго Большого Требника находится довольно обширный, уже извѣстный намъ капопическій сборникъ—*Номоканонъ* или *Законоправильникъ*, содержащій въ себѣ правила, относящіяся преимущественно къ дисциплинѣ церковныхъ покаяній. По своему происхожденію этотъ сборникъ принадлежитъ греческой церкви, но тамъ онъ никогда не былъ издаваемъ отъ лица высшей духовной власти, хотя часть содержащихся въ немъ правилъ несомнѣнно соблюдалась на практикѣ. Вскорѣ послѣ своего появленія номоканонъ былъ переведенъ на славянскій (сербскій) языкъ и въ этомъ переводѣ занесенъ въ Россію. Первые печатныя изданія его здѣсь были неофіціальныя: они принадлежали кіевскимъ ученымъ монахамъ XVII в.: Памвѣ Бериндѣ (изд. 1620 г.), Захарію Копыстенскому (1624) и архимандриту Печерской Лавры, впоследствии м-ту кіевскому Петру Могилѣ (1629). Въ 1639 г. второе изъ этихъ изданій, съ нѣкоторыми измѣненіями, было перепечатано въ Москвѣ съ благословенія тогдашняго московскаго и всея Руси патріарха Іоасафа, но не отдѣльно, а въ видѣ приложения къ Требнику. Такимъ же приложеніемъ, но въ значительно сокращенномъ видѣ, является этотъ номоканонъ и при Требникѣ, изданномъ п. Никономъ въ 1658 г., и съ тѣхъ поръ неизмѣнно издается при этой книгѣ до настоящаго

времени. Несомнѣнно, что первоначально онъ дѣйствовалъ у насъ во всемъ своемъ составѣ. Но такъ какъ въ немъ есть нѣсколько правилъ апокрифическаго происхожденія и страннаго содержанія (напр. 211 правило, запрещающее мужу и женѣ быть воспріемниками одного и того же младенца, подъ страхомъ быть разлученными отъ супружескаго сожитія): то Св. Синодъ уже въ первые годы своего существованія сталъ относиться къ такимъ правиламъ съ большимъ сомнѣніемъ и нерѣдко дѣлалъ постановленія, прямо имъ противоположныя, особенно — по дѣламъ брачнымъ. За всѣмъ тѣмъ въ этомъ номоканонѣ остается немало правилъ, которыя до сихъ поръ сохраняютъ свою силу. Такъ правила о монахахъ признаются дѣйствующими въ Уставѣ Духовныхъ Консисторій (см. § 196, изд. 1883 г.). Далѣе, въ въ этомъ только номоканонѣ содержится правило, запрещающее родителямъ быть воспріемниками своихъ собственныхъ дѣтей (ст. 209). Наконецъ, обращаясь къ церковной практикѣ, мы находимъ, что на правилахъ номоканона Синодъ утверждаетъ свои опредѣленія объ эпитиміяхъ (т. е. публичныхъ покаяніяхъ) за нѣкоторые виды кровосмѣшенія, о недозволительности браковъ между сводными братьями и сестрами, о невѣнчаніи браковъ монахами, о наказаніи священниковъ, вѣнчающихъ незаконные браки, и др.—Общій отзывъ объ этомъ номоканонѣ, съ практической точки зрѣнія, долженъ быть такой же, какъ и о второй части печатной Кормчей, именно: его правила имѣютъ силу лишь настолько, насколько они представляются обязательными или пригодными для церковной практики сами по себѣ или по своимъ источникамъ.

3. Къ источникамъ *особеннаго* права русской церкви относятся:

а) *Духовный Регламентъ* Петра Великаго. Это—законодательный актъ первостепенной важности не только въ церковномъ, но и въ государственномъ отношеніи. Съ исторической точки зрѣнія, изданіе Духовнаго Регламента составляетъ рѣзкую раздѣльную черту между древнимъ и новымъ правомъ русской церкви. По отношенію къ прошедшему, онъ является актомъ, вполне отмѣняющимъ дѣйствіе древнихъ русскихъ церковныхъ уставовъ во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ церковная юрисдикція распространялась

на дѣла и отношенія, по существу своему нецерковныя. По отношенію же къ дальнѣйшему развитію церковнаго права, Духовный Регламентъ есть корень и основаніе, на которомъ посредственно или непосредственно держится вся система дѣйствующаго особеннаго права русской церкви. Авторомъ Регламента въ литературномъ смыслѣ былъ извѣстный Теофанъ Прокоповичъ, архіепископъ псковскій, служившій главнымъ орудіемъ Петра во всѣхъ его церковныхъ преобразованіяхъ. Теофанъ написалъ проектъ Регламента еще въ 1719 г., т. е. за два года до открытія Синода. Государь сначала самъ разсматривалъ его, исправлялъ и дополнялъ, затѣмъ отдалъ на разсмотрѣніе Сенату въ конференціи съ духовенствомъ. Здѣсь проектъ былъ дважды прочитанъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополненъ новыми замѣчаніями; наконецъ—подписанъ епископами, архимандритами, сенаторами и послѣ всѣхъ—самимъ государемъ. Съ этими подписями онъ посланъ былъ въ Москву и другія мѣста для подписанія неприсутствовавшими при чтеніи его духовными властями и, наконецъ, опубликованъ при манифестѣ 25 января 1721 г.

По своей формѣ и отчасти по содержанию Дух. Регламентъ не есть только чисто-законодательный актъ, но вмѣстѣ и литературный памятникъ. Онъ наполненъ, подобно знаменитому Наказу Екатерины II, общими теоретическими разсужденіями, напримѣръ — о превосходствѣ коллегіальнаго управленія предъ единоличнымъ, содержитъ въ себѣ разные проекты, напримѣръ—объ учрежденіи въ Россіи Академіи, а не рѣдко впадаетъ въ тонъ сатиры. Таковы, напримѣръ, мѣста о власти и чести епископской, объ архіерейскихъ визитаціяхъ, т. е. объѣздѣ архіереями своихъ епархіи, о церковныхъ проповѣдникахъ, о народныхъ суевѣріяхъ, раздѣляемыхъ и духовенствомъ, и пр. (См. синод. изд. стр. 19, 31, 41, 57, 68—69). Вообще Духовный Регламентъ излагаетъ въ строго-законодательной формѣ только общія начала и порядокъ синодальнаго управленія и только въ этой части своего содержанія онъ до сихъ поръ сохраняетъ свою обязательную силу: учрежденіе Синода вмѣсто патріаршества, кругъ дѣятельности центрального церковнаго управленія, отношеніе Синода къ Высочайшей Власти и къ областной церковной (епархіальной) администраціи, — все это въ

существованіи дѣла остается въ томъ же видѣ, какъ опредѣлено Петромъ въ его Духовномъ Регламентѣ ¹⁾. Но этотъ же самый законодательный актъ предоставляетъ Синоду право пополнять свой Регламентъ новыми правилами, представляя ихъ на Высочайшее утвержденіе. Старшія изъ такихъ дополненій, изданныя въ 1722 году, обыкновенно и печатаются въ концѣ Духовнаго Регламента, въ видѣ прибавленія къ нему. Эти дополненія составляютъ цѣлый Уставъ о духовенствѣ, въ которомъ опредѣляются качества и обязанности приходскаго духовенства (въ особенности духовниковъ), запрещается опредѣленіе церковныхъ должностныхъ лицъ свыше потребности, вводятся метрическія книги; въ отдѣлѣ о монахахъ и монастыряхъ опредѣляется, кого и какъ постригать въ монахи, регулируется порядокъ монастырской жизни и проч.

б) *Уставъ Духовныхъ Консисторій*. Онъ изданъ въ 1841 г. Какъ Дух. Регламентъ есть основаніе центрального управленія русскою церковію, такъ Уставъ Дух. Консисторій служитъ основаніемъ областного или епархіальнаго церковнаго управленія. Содержаніе его заимствовано частію изъ Духовнаго Регламента, а всего болѣе—изъ позднѣйшихъ синодальныхъ и Высочайшихъ указовъ по епархіальному управленію. Въ 1883 году уставъ Дух. Консисторій, вслѣдствіе отмены многихъ статей его позднѣйшими узаконеніями, изданъ былъ вновь и остается въ этомъ видѣ до настоящаго времени.

в) *Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*. Какъ видно изъ самаго заглавія, она содержитъ въ себѣ наставленія приходскимъ священникамъ относительно исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей. Составлена эта книга, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, смоленскимъ епископомъ Парфеніемъ Сопковскимъ и, одобренная Св. Синодомъ какъ полезное и даже необходимое руководство для приходскаго духовенства, уже съ 1776 года издается отъ лица самого Синода, безъ имени автора. Наряду съ наставленіями, въ большинствѣ своемъ заимствованными изъ Кормчей, сочиненій св. отцевъ, Духовнаго Регламента и синодскихъ указовъ, вышедшихъ до ея составленія, Книга о должно-

¹⁾ Особенно замѣтное измѣненіе произошло только, какъ увидимъ далѣе, въ личномъ составѣ Синода.

стяхъ содержатъ въ себѣ правила, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ другихъ источникахъ нашего дѣйствующаго каноническаго права, — напр. правило, позволяющее допускать неправославныхъ христіанъ къ воспринятію отъ купели крещенія дѣтей православныхъ родителей, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы такіе восприемники при совершеніи таинства читали символъ вѣры такъ, какъ онъ содержится православною церквію, т. е. безъ прибавки: „и отъ Сына“ Этою же книгою Синодъ неоднократно предписывалъ руководствоваться при наложеніи духовниками и церковными судами епитимій за разныя церковныя преступленія. Въ 1822 г. послѣдовало даже формальное и общее предписаніе отъ Синода—въ случаяхъ, когда прелюбодѣяніе открывается при изслѣдованіи дѣлъ въ гражданскихъ судахъ, но когда просьбы о расторженіи брака по этой причинѣ нѣтъ, и когда поэтому публичной епитиміи налагать не должно, руководствоваться правилами, изображенными въ 3 главѣ Книги о должностяхъ пресвитеровъ.

г) Разныя *постановленія по вѣдомству православнаго исповѣданія*, изданныя въ видѣ Высочайшихъ повелѣній и указовъ, Высочайше утвержденныхъ указовъ Св. Синода и докладовъ Оберъ-Прокурора, мнѣній Государственнаго Совѣта и пр. Большая часть этихъ источниковъ русскаго церковнаго права разбѣяна по многотомному „Полному собранію законовъ“, а нѣкоторые не вошли даже и въ это Собраніе, и лишь весьма немногіе изъ нихъ, относящіяся къ особымъ отраслямъ церковнаго управленія, издаются, подобно Духов. Регламенту и Уставу Духов. Консисторій, отдѣльными книжками и брошюрами. Таковы: уставы духовно-учебныхъ заведеній, инструкціи церковнымъ старостамъ, благочиннымъ приходскихъ церквей и монастырей, положенія о церковныхъ попечительствахъ, братствахъ, мисіонерскихъ обществахъ и т. п. Только въ недавнее время, именно въ 1868 г. при Св. Синодѣ учреждена особая редакціонная коммисія для изданія полного собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ Духовнаго Регламента Петра В. или, что тоже, съ эпохи учрежденія Св. Синода. Къ сожалѣнію, эта коммисія работаетъ такъ медленно, что до сихъ поръ ею издано только семь томовъ, обнимающихъ узаконе-

нія и распоряженія за первые 11-ть лѣтъ существованія Св. Синода, т. е. съ 1721-го по 1732 годъ ¹⁾. Въ виду такого положенія дѣла трудно надѣяться, чтобы у насъ скоро могъ быть изданъ *систематическій* сводъ всѣхъ законовъ, относящихся къ русской православной церкви, хотя мысль объ изданіи такого свода высказана была еще при первомъ изданіи свода гражданскихъ (т. е. вообще не церковныхъ) законовъ. А до осуществленія этой мысли, въ Сводѣ предписано было, чтобы гражданскіе суды и другія государственныя установленія въ случаяхъ возникновенія въ ихъ вѣдомствѣ какихъ нибудь вопросовъ, касающихся до дѣлъ православной церкви, для рѣшенія которыхъ нѣтъ основаній въ Сводѣ законовъ, руководствовались не Сводомъ, а Полнымъ собраніемъ законовъ. Это предписаніе остается въ полной силѣ и до настоящаго времени и, конечно, будетъ оставаться таковымъ до тѣхъ поръ, пока не появится официальное изданіе свода законовъ повѣдомству православнаго исповѣданія ²⁾. Наконецъ—

д) *Сводъ законовъ российской имперіи*. Онъ служитъ источникомъ права русской православной церкви во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не опредѣлены специальными узаконеніями по Вѣдомству православнаго исповѣданія.

Описанное состояніе источниковъ дѣйствующаго русскаго церковнаго права, т. е. ихъ разбросанность по многочисленнымъ законодательнымъ сборникамъ, конечно, весьма неблагоприятно отзывается на самой церковной практикѣ, препятствуетъ ей содѣйствовать развитію церковнаго права и съ тѣмъ вмѣстѣ значительно затрудняетъ научную разработку его, которая, какъ мы видѣли, началась у насъ очень недавно. За то, именно въ виду такого хаотическаго состоянія источниковъ нашего церковнаго права, ни одна изъ юридическихъ наукъ не можетъ имѣть у насъ такого вы-

¹⁾ Въ 1898 г. вышелъ въ свѣтъ 8-й томъ „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Российской имперіи“, заключающій въ себѣ названныя постановленія за 1733—1734 гг.

²⁾ (См. прилож. (примѣч.) къ 66 ст. учрежд. Сенат. ст. 5, пун. 4 изд. 1892 г.).

сокаго значенія для жизни и практики, какъ наука этого предмета. Здѣсь ей открывается обширное и мало разработанное поле дѣятельности. Правда, овладѣть всѣмъ этимъ полемъ дѣло не легкое; но за то каждый клочекъ его, научно и добросовѣстно обработанный, воздастъ своему дѣятелю плодъ сторицею—въ видѣ высокаго духовнаго наслажденія, какое доставляетъ всякій самостоятельный научный трудъ, имѣющій въ виду общее благо. Въ какомъ бы хаотическомъ состояніи ни находился положительный матеріалъ, съ которымъ долженъ имѣть дѣло русскій канонистъ, но у него имѣются два могущественныя и вѣрныя средства ввести въ этотъ хаосъ порядокъ и свѣтъ. Одно изъ этихъ средствъ—объективное: оно состоитъ въ общихъ началахъ и основаніяхъ церковнаго права, раскрываемыхъ въ каноническомъ кодексѣ Вселенской церкви, познаніе и разумѣніе котораго не представляетъ особенныхъ трудностей. Эти начала и основанія составляютъ высшій критерій для положительнаго церковнаго права во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, слѣдовательно—и для русскаго церковнаго права. Другое средство—субъективное: оно состоитъ въ юридической technikѣ, при помощи которой каждый научно образованный юристъ можетъ разобраться въ какомъ угодно хаосѣ, представляемомъ источниками того или другого положительнаго права. Онъ съумѣетъ отличить въ этомъ хаосѣ существенное отъ несущественнаго, постоянное отъ подлежащаго перемѣнамъ, устарѣлое отъ дѣйствующаго, и такимъ образомъ установить по каждому данному вопросу дѣйствительную догму права. Только юристъ, владѣющій этими двумя средствами и притомъ воодушевленный беззавѣтною любовію къ своему дѣлу, можетъ создать строго-научную догматическую систему русскаго церковнаго права, какъ особую вѣтвь права единой Вселенской церкви Христовой, питающуюся изъ источниковъ этого послѣдняго. Нѣкоторыя отдѣльныя части этой системы уже достаточно разработаны въ наличной литературѣ нашего предмета. Соединить ихъ въ одно цѣлое будетъ задачею настоящаго нашего курса.

А. Павловъ.